

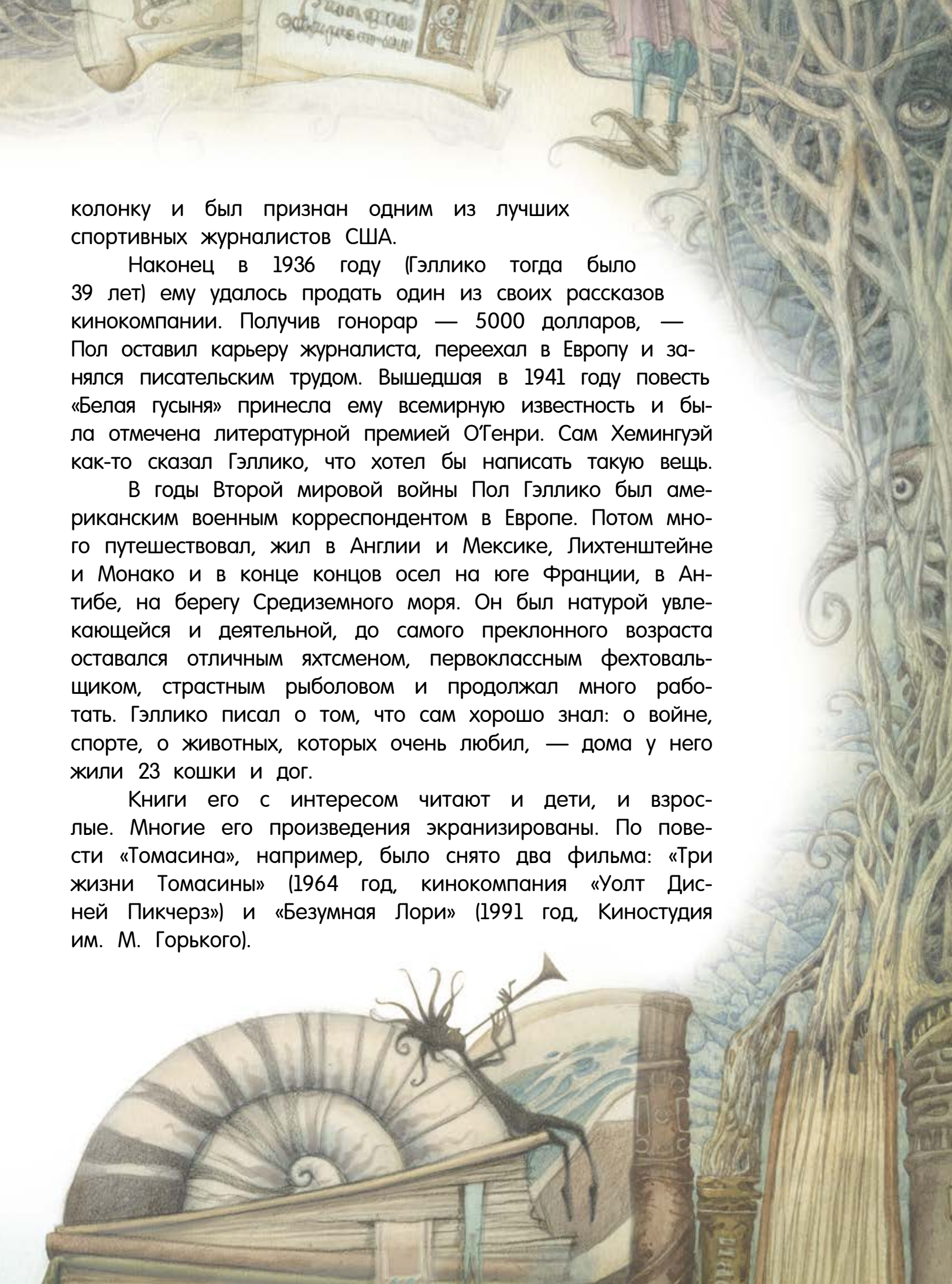

С верой В чудо

Пола Гэлликко называют американским Андерсеном. Он умел говорить о вещах серьёзных и порой даже трагических — о добре и зле, любви и милосердии — просто и проникновенно, без пафоса и назидательности, так что книги его читаются на одном дыхании. Сам он при этом вовсе не считал себя настоящим писателем и говорил, что просто любит рассказывать истории. Пол сочинял их с самого детства, однако его путь в литературу оказался долгим и извилистым.

Его отец, концертирующий пианист из Италии, хотел видеть сына музыкантом. Сам Пол собирался поначалу учиться на врача, но потом передумал и в итоге получил диплом бакалавра искусств. После окончания Колумбийского университета в 1921 году он настойчиво рассылал свои рассказы в разные журналы, однако рукописи неизменно возвращались обратно — «как ручные голуби», по его собственному выражению. Тем временем Пол успел перепробовать самые разные занятия: был инструктором в гимнастическом зале, переводчиком, портовым грузчиком, журналистом в газете *New York Daily News*.

К любому делу он подходил творчески. Например, при подготовке материала об одном знаменитом боксёре он напросился на поединок с ним, чтобы узнать, каково это — быть сбитым с ног чемпионом в тяжёлом весе. Гэлликко продержался две минуты, а после написал блестящую статью и прославился на всю Америку. Долгое время он вёл в *New York Daily News* ежедневную спортивную

колонку и был признан одним из лучших спортивных журналистов США.

Наконец в 1936 году (Гэллико тогда было 39 лет) ему удалось продать один из своих рассказов кинокомпании. Получив гонорар — 5000 долларов, — Пол оставил карьеру журналиста, переехал в Европу и занялся писательским трудом. Вышедшая в 1941 году повесть «Белая гусыня» принесла ему всемирную известность и была отмечена литературной премией О'Генри. Сам Хемингуэй как-то сказал Гэллико, что хотел бы написать такую вещь.

В годы Второй мировой войны Пол Гэллико был американским военным корреспондентом в Европе. Потом много путешествовал, жил в Англии и Мексике, Лихтенштейне и Монако и в конце концов осел на юге Франции, в Антибе, на берегу Средиземного моря. Он был натурой увлекающейся и деятельной, до самого преклонного возраста оставался отличным яхтсменом, первоклассным фехтовальщиком, страстным рыболовом и продолжал много работать. Гэллико писал о том, что сам хорошо знал: о войне, спорте, о животных, которых очень любил, — дома у него жили 23 кошки и дог.

Книги его с интересом читают и дети, и взрослые. Многие его произведения экранизированы. По повести «Томасина», например, было снято два фильма: «Три жизни Томасины» (1964 год, кинокомпания «Уолт Дисней Пикчерз») и «Безумная Лори» (1991 год, Киностудия им. М. Горького).

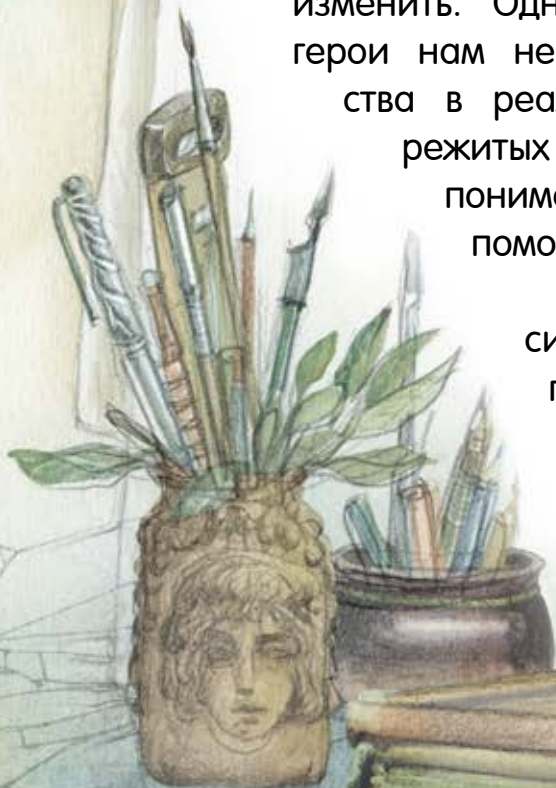
Ключ к миру

В детстве об авторе «Томасины» я даже не слышала. Позже я, конечно, узнала о существовании этой книги, однако непосредственно с самой историей Томасины познакомилась только благодаря издательству «Лабиринт Пресс». Работать было и сложно, и интересно.

Пол Гэллико размышляет о вопросах, которыми задавался, наверное, каждый: почему мир так несовершенен, почему в нём есть горе и болезни, почему страдают и умирают те, кто ни в чём не повинен. Тема эта непростая и, на первый взгляд, совсем не детская. Дети так верят в добро, так остро переживают любую несправедливость, что интуитивно хочется оградить их от всего плохого и печального.

Пол Гэллико идёт другим путём. Он строит сюжет так, что героям — а вместе с ними и читателю — приходится пережить немало тяжёлых моментов, отчего всё сильнее хочется как-то вмешаться в ситуацию, чтобы кардинально её изменить. Однако в том-то и беда, что вмешаться нельзя: герои нам неподвластны, так же как и многие обстоятельства в реальной жизни. Но постепенно, после всех пережитых трагедий, обид и разочарований, приходит понимание того, что принять и даже улучшить мир помогает не насилие, а любовь.

Мысль эта, в принципе, не нова, и в «Томасине», почти в самом начале, этот путь предлагает главному герою его друг, священник Энгус. По его мнению, непременно должен быть

ключ к нашим отношениям с теми, кто вокруг нас, и этот ключ — любовь. Однако по-настоящему услышать эти слова и согласиться с ними суровый ветеринар Эндрю Макдьют смог, лишь оказавшись на грани отчаяния, когда надеяться оставалось только на чудо. Получается, что ответом на главный вопрос, который ставит в «Томасине» Гэллико, служит и сам сюжет этой книги. С этой точки зрения наличие тяжёлых сцен в книге можно считать оправданным, но мне всё же хотелось подать их как можно тактичнее.

Поначалу было довольно трудно выбрать основные моменты для иллюстраций — так, чтобы картинки максимально понятно и интересно излагали всю историю и отражали общую атмосферу книги. Образы героев также оформились у меня не сразу. Томасина, например, поначалу представлялась мне таким экзотическим восточным созданием — не зря же она ощущает себя египетской богиней Баст. Но потом я поняла, что всё ровно наоборот и с виду эта кошка — самая обычная. Гэллико, кстати, мастерски и с большим знанием дела описывает её мысли и чувства — говорю об этом как человек, который кошек знает, любит и много лет живёт с ними бок о бок. Не могу сказать, что все герои мне сразу полюбились, но постепенно даже те, что были несимпатичны, стали очень близкими и родными. Надеюсь, они станут такими и для читателей.

У. Демидова

Часть первая

1

Ветеринар Эндрью Макдьои просунул в приоткрытую дверь рыжую жёсткую бороду и окинул враждебным взглядом людей, сидевших в приёмной на деревянных стульях, и зверей, сидевших у них на руках или у ног.

Вилли Бэннок, его помощник, нянька и санитар, уже сообщил ему, кто ждёт приёма, и доктор Макдьои знал, что увидит своего соседа и друга, священника Энгуса Педди. Отец Энгус приходил почти всегда из-за своей любимой старой собачки, которую сам и перекармливал сладостями. Врач посмотрел на коротенького, кругленького священника и заметил, как печально и доверчиво собачка смотрела на него самого. Она знала, что запахи этого места и колкий мех на лице великана прочно связаны с избавлением от мук.

Заметил он и отдохавшую у них в городке жену богатого подрядчика из Глазго, которая привела йоркширского терьера, страдающего ревматизмом, в бархатной попонке с шёлковыми завязками. Этого терьера он терпеть не мог. Была тут и миссис Кинлох с сиамской кошкой, которая лежала у неё на коленях и мяукала от ушной боли, встряхивая головой. Был мистер Добби, местный бакалейщик, глядевший печально, как и его скотчтерьер, который болел чесоткой и шерсть его так облезла, что он явно нуждался не столько во враче, сколько в обойщике.

Было ещё человек пять, в том числе — худенький мальчик, которого он где-то видел, а на самом большом стуле, как бы возглавляя весь ряд, сидела старая грузная миссис Лагган, владелица табачно-газетной лавочки, с неопишуемой чёрной дворняжкой по имени Рэбби. И хозяйка, и древняя дворняга давно стали местными достопримечательностями.

Хозяйка вдовела двадцать пять лет, прожила — все семьдесят, а пятнадцать разделяла одиночество с преданным Рэбби. Весь городок привык и к толстой вдове в шотландской шали, и к чёрному

шару на ступеньках её крохотного магазина. Рэбби всегда лежал на ступеньках, уткнувшись носом в лапы, и покупатели машинально переступали через него. В городке говорили, что дети рождаются тут с таким рефлексом.

Доктор Макдьюи взглянул на пациентов, и пациенты взглянули на него: кто испуганно, кто равнодушно, кто с надеждой, а кто и с враждою, передавшеюся им. Всё его лицо дышало злобой — и высокий лоб, и густые рыжие брови, и властные синие глаза, и крепкий нос, и насмешливые губы, видневшиеся из-под усов, и воинственный, поросший бородой подбородок. Быть может, местные жители не зря считали его бессердечным.

Такой знаменитый человек, как Макдьюи, естественно, вызывал пересуды в маленьком городке графства Аргайл, где он работал несколько лет. В маленьких городках ветеринар — личность важная, так как лечит он не только собак и кошек, но и птицу, и скот с окрестных ферм — черномордых овец, свиней, коров. А наш доктор к тому же был ветеринарным инспектором всей округи.

Макдьюи считали честным, умелым и прямым, но слишком странным, чтобы доверить ему бессловесных Божьих тварей. Он их не любил; не любил он и Бога. Был он неверующим или не был, но в церкви его не встречали, хотя со священником он дружил. Шёл слух, что со смерти жены сердце его окаменело и живым остался только тот кусочек, где гнездилась любовь к семилетней дочери — Мэри Руа. Дочь эту никто никогда не видел без рыжей кошки Томасины.

Да нет, говорили сплетники, доктор он хороший. Мигом вылечит или убьёт, только уж очень любит усыплять. Те, кто добрее, считали, что это он от жалости — не может видеть, как страдает животное; а кто поехидней или пообиженней, предполагали, что просто ему наплевать и на зверей, и на людей.

Но те, у кого зверей не было, думали, что в нём есть хоть что-то хорошее, если он дружит с таким человеком, как отец Энгус. Дружили они с детства, вместе учились, и как раз священник и уговорил его, когда умерла Энн Макдьюи, переехать сюда, чтобы избавиться от тяжёлых воспоминаний.

Некоторые помнили старого Макдьюи, ветеринара из Глазго. В отличие от сына, он был не только властен, но и набожен. Рассказывали, что Эндрию хотел стать хирургом, но отец оставил ему деньги на том условии, что он унаследует и его практику. Кто-то

из здешних жителей побывал в их старом доме и не удивлялся теперь, что молодой Макдьои стал таким, каким стал.

Энгус Педди знал, что Макдьои-отец был истинный ханжа, в чьём доме Господь выполнял функции полисмена, и тоже не удивлялся, что Эндрью сперва возненавидел Бога, а потом и отверг. Неверие это укрепилось, когда умерла Энн, оставив двухлетнюю дочь — Мэри Руа.

Оглядев ожидающих, доктор уставил бороду в миссис Лагган и мотнул головой, давая понять, что можно войти в кабинет. Вдова испуганно квакнула, с трудом поднялась и прижала к себе несчастного Рэбби. Лапки его повисли, глаза закатились. Он был похож на перекормленную свинку, а свистел и пыхтел, как храпящий старик.

Энгус Педди встал, чтобы помочь вдове, и улыбнулся ей ангельской улыбкой, ибо он ничем не походил на известного нам из книг шотландского священника. Собачка его, по имени Сецессия (именно такой юмор царил когда-то в его обширной семье), неуклюже спрыгнула на пол. Он приподнял её за лапки и сказал:

— Видишь, Цесси, вот Рэбби Лагган! Ему плохо, бедному.

Собаки посмотрели друг на друга печальными, круглыми глазами. Миссис Лагган пошла за врачом в процедурную и положила Рэбби на белый длинный стол. Лапки его беспомощно раскинулись, и дышал он тяжело. Ветеринар поднял его верхнюю губу, взглянул на зубы, заглянул под веки и положил руку на твёрдый вздутый живот.

— Сколько ему? — спросил он.

Миссис Лагган, одетая, как все достойные вдовы, в чёрное платье и мягкую шаль, испуганно заколыхалась.

— Пятнадцать с небольшим, — сказала она и быстро добавила: — Нет, четырнадцать... — словно могла продлить этим его жизнь. Пятнадцать — ведь и впрямь много, а четырнадцать — ещё ничего, доживёт до пятнадцати или до шестнадцати, как старый колли миссис Кэмпбэлл.

Ветеринар кивнул.

— Незачем ему страдать. Сами видите, задыхается. Еле дышит, — сказал он и опустил собаку на пол, а она шлёпнулась на брюхо, преданно глядя вверх, в глаза хозяйке. — И ходить не может, — сказал ветеринар.

У вдовы задрожали все подбородки.

— Вы хотите его убить? Как же я буду без него? Мы вместе живём пятнадцать лет, у меня никого нету... Как я буду без Рэбби?

— Другого заведёте, — сказал Макдьюи. — Это нетрудно, их тут много.

— Ох, да что вы такое говорите! — воскликнула она. — Другой — не Рэбби. Вы лучше полечите его, он поправится. Он всегда был очень здоровый.

«С животными нетрудно, — думал Макдьюи, — а с хозяевами нет никаких сил».

— Да он умирает, — сказал он. — Он очень старый, на нём живого места нет. Ему трудно жить. Если я его полечу, вы придёте через две недели. Ну, протянет месяц, от силы — полгода. Я занят. — И добавил помягче: — Если вы его любите, не спорьте со мной.

Теперь, кроме подбородков, дрожал и маленький ротик. Миссис Лагган представила себе времена, когда с ней не будет Рэбби — не с кем слова сказать, никто не дышит рядом, пока ты пьёшь чай или спишь. Она сказала то, что пришло ей в голову, но не то, что было в сердце:

— Покупатели хватятся его. Они через него переступают.

А думала она: «Я старая. Мне самой немного осталось. Я одна. Он утешал меня, он — моя семья. Мы столько друг про друга знаем».

— Конечно, конечно... — говорил врач. — Решайте скорее, меня пациенты ждут.

Вдова растерянно смотрела на рыжего здорового человека.

— Я думаю, это плохо, если я оставлю его мучиться...

Макдьюи не отвечал.

«Жить без Рэбби, — думала она. — Холодный носик не ткнётся в руку, никто не вздохнёт от радости, никого не потрогаешь, не увидишь, не услышишь». Старые псы и старые люди должны умирать. Она хотела вымолить ещё один месяц, неделю, день с Рэбби, но слишком волновалась и пугалась.

— Будьте с ним добрей... — сказала она.

Макдьюи вздохнул с облегчением и встал.

— Он ничего не почувствует. Вы правильно решили.

— Сколько я вам должна? — спросила миссис Лагган.

Врач заметил, как дрожат её губы, и ему почему-то стало не по себе.

— Ничего не надо, — сказал он.

Вдова овладела собой и сказала с достоинством, хотя слёзы мешали ей смотреть:

— Я оплачу ваши услуги.

— Что ж, два шиллинга.

Она вынула чёрный кошелёк и положила монеты на стол. Рэбби, заслышав звон, поднял на секунду уши, а миссис Лагган, не оглянувшись на лучшего друга, пошла к двери. Шла она очень гордо и прямо, ей не хотелось при этом человеку быть глупой и старой толстухой. Ей удалось достойно выйти и закрыть за собой дверь. Худенькие женщины горюют очень жалобно, но ничего нет жалче на свете толстой женщины в горе. Пухлому лицу не принять трагической маски, просто оно сереет, словно жизнь ушла из него.

Когда вдова Лагган появилась в приёмной, все глядели на неё, а Энгус Педди мгновенно всё понял и вскричал:

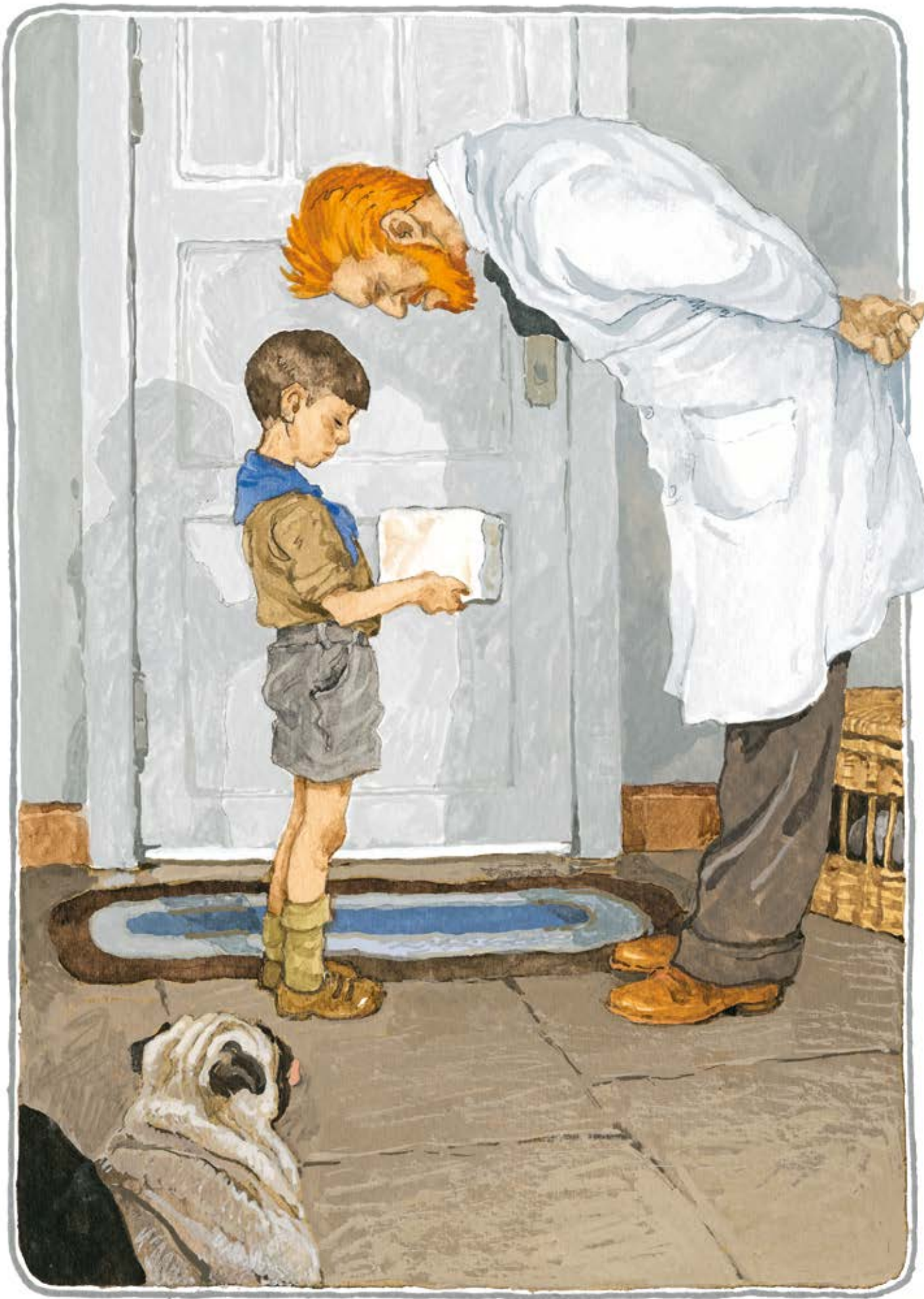
— О Господи! Неужели с ним плохо? Что ж мы будем без него делать? Через кого переступить?

Здесь, со своими, миссис Лагган могла плакать вволю. Казалось бы, что такого — но вся очередь застыла, а на сердце Энгуса Педди легла какая-то рука и сжимала до тех пор, пока боль его не уравнилась с болью вдовы. Пришла наконец одна из тех страшных минут, когда священник не знал, чего же хочет от него Бог и что бы Сам Бог сделал на его месте.

Для Энгуса Педди Бог не был связан с мраком и скукой. И Творец, и тварный мир были для него радостью, и он считал своим делом передать пастве радость, и хвалу, и восхищение чудесами Божиими, к которым он относил и зверей. И всё же он был человеком и путался, когда его Бог как бы не обращал внимания на беды вдовы Лагган.

Толстая женщина плакала перед ним и утирала слёзы, они текли по её щекам и подбородку. Сейчас она уйдёт, и для неё начнётся смерть.

Энгус Педди чуть не кинулся в операционную, чтобы крикнуть: «Стой, Эндрю! Не убий! Пусть сам отживёт своё. Тебе ли мешать его игре с Богом?» Но он удержался. Ему ли мешать? Макдьюи — хороший врач, а врачи нередко делают и говорят страшные вещи.

С животными лучше, чем с людьми: их можно избавить от страданий.

Миссис Лагган сказала, не обращаясь ни к кому:

— Я не сумею жить без Рэбби. — И вышла.

В дверь высунулась рыжая борода.

— Кто следующий? — спросил Макдьюи и поморщился, когда жена подрядчика нерешительно приподнялась, а терьер взвизгнул от страха.

— Простите, сэ, — раздался тонкий голосок, — можно вас на минутку?

— Это Джорди Макнэб, мануфактурщиков сын, — пояснил кто-то.

Восьмилетний Макнэб — круглолицый, чёрненький, серьёзный, как китаец, в рубашке защитного цвета и со скаутским галстуком на шее, — держал в руках коробку, в которой, мелко дрожа, лежало его сегодняшнее доброе дело. Макдьюи взглянул на него сверху, словно Великий Могол, пригнулся, касаясь рыжей бородой коробки, и прогремел:

— Что там у тебя?

Джорди смело встретил натиск. Он показал врачу лягушку и объяснил:

— У неё что-то с лапкой. Прыгать не может. Я её нашёл у озера. Пожалуйста, вылечите её, чтобы она опять прыгала.

Старая горечь накатывала иногда на Макдьюи, и он говорил и делал совсем не то, что хотел. Так и сейчас, он как будто услышал, нагнувшись над коробкой: «Лягушачий доктор. Вот кто ты, лягушачий доктор».

И вся его злоба вернулась к нему. Будь на свете правда, эти люди и этот мальчик приходили бы к нему лечиться, и он боролся бы за их жизнь, он бы их спасал. Но они тащат к нему этих сопящих, скулящих, мяукающих тварей, которых держат потому, что из лени или эгоизма не хотят завести ребёнка.

Больной терьер был совсем рядом, и Макдьюи с отвращением чувствовал запах духов, которыми опрыскала его хозяйка. Из чёрного облака злобы он ответил Джорди:

— У меня нет времени на глупости. Ты что, не видишь, какая тут очередь? Швырни свою жабу в пруд. Пошёл, пошёл!

В круглых чёрных глазах юного Макнэба появилось выражение, свойственное детям, когда они разговаривают со взрослыми.